

№ 1. LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE № 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

ВЫХОДИТЬ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЖЕНЕВА

Издательство группы „Освѣта“

rue de la Corniche, 6

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
ОТЪ РЕДАКЦИИ	1
КАКЪ ДОБИВАТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ? Смпли- циссимуса	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ. Статья I (Г. И. Успенскій). Г. Плеханова	28
ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ И БУЛАНЖИЗМЪ. Поля Лафарга	100
НЕИЗБѢЖНЫЙ ПОВОРОТЪ. Г. Плехановъ	106
МИНИСТРЪ-ДЕМАГОГЪ. Ю. Е.	118
РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Изъ писемъ въ Редакцію)	124
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ ШЕСТИ- ДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ И ТЕПЕРЬ. П. Аксельрода	132
БИБЛИОГРАФІЯ	189
НЕКРОЛОГЪ	219
ОПЕЧАТКИ	223
СПИСОКЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	223
—	
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МУЖИЧЬИХЪ ОБ- ЩЕСТВА РАБОЧИХЪ . . . . . (Гла- вы I—III). В. И. Суличъ	I—XXXII

цѣлесообразной борьбы съ капитализмомъ. Незрѣлость же рабочаго класса можетъ быть выгодна только для нашихъ эксплуататоровъ и не облегчитъ намъ никакихъ перескакиваній. Вотъ почему мы боимся, что цитированныя нами мѣста изъ предисловія г. Лаврова могутъ подать поводъ къ новымъ политическимъ и экономическимъ утоціямъ, а между тѣмъ намъ пора уже отдѣлаться отъ всякихъ „иллюзіонныхъ предположеній“.

„Перескочить“ черезъ „классовой парламентаризмъ“ намъ невозможно. Но смѣшно и сожалѣть объ этомъ. Нашъ современный абсолютизмъ является источникомъ такихъ „опасныхъ болѣзней общества“, что въ сравненіи съ нимъ „классовой парламентаризмъ“ будетъ огромнымъ шагомъ впередъ въ общественномъ развитіи. Соціалистамъ нужно позаботиться только о томъ, чтобы *рабочій классъ, который одинъ только и можетъ нанести смертельный ударъ абсолютизму*, добился той доли политической свободы какую даетъ рабочимъ „классовой парламентаризмъ“ въ самыхъ передовыхъ странахъ Запада. Эта свобода необходима имъ для борьбы съ буржуазнымъ обществомъ и съ неизбѣжнымъ въ такомъ обществѣ парламентаризмомъ.

Что касается перевода статьи Маркса, то онъ во многихъ мѣстахъ прихрамываетъ. Будемъ надѣяться, что переводъ сочиненія Кауцкаго окажется точнѣе и изящнѣе. Но вообще брошюры изданы довольно опрятно, и мы, во всякомъ случаѣ, должны поблагодарить за нихъ издателей.

Симплициссимусъ.

Свобода, политическій органъ русской интеллигенціи. Женева 1888 г. №№ 1-7.

Самоуправленіе, органъ соціалистовъ-революціонеровъ. №1 Декабрь 1887, №2 Май 1888 г.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе у насъ двухъ новыхъ противоправительственныхъ органовъ. При нашей бѣдности въ этомъ отношеніи, это большая, давно уже не бывалая роскошь. Отъ души желаемъ успѣха и „Свободѣ“ и „Самоуправленію“.

Сочувствіе не мѣшаетъ намъ, однако, видѣть промахи и ошибки названныхъ органовъ. А такъ какъ литературное лицемѣріе всегда казалось намъ величайшимъ преступленіемъ противъ достоинства печатнаго слова, то мы выскажемся безъ всякихъ обиняковъ и околичностей.

Начнемъ со „Свободы“. Она называетъ себя „политическимъ органомъ русской интеллигенціи и, сама понимая, повидимому, странность такого названія, въ первой же статьѣ перваго номера спѣшитъ выяснитъ, что именно понимаетъ она подъ словомъ „русская интеллигенція“. По ея мнѣнію, „русская интеллигенція, какъ общественный классъ, не принадлежитъ къ числу древнихъ политическихъ формаций“. Но интеллигенція вездѣ и никогда не составляла *общественнаго класса*, это противорѣчитъ самому понятію о такомъ *классѣ*. Интеллигенція могла бы, въ крайнемъ случаѣ, составлять лишь *касту*, въ качествѣ ученаго сословія. Одна ошибка логически ведетъ за собой другія. Развивая свою мысль, редакция „Свободы“ переходитъ отъ одного паралогизма къ другому. „До тѣхъ поръ, пока для нея (т. е. для интеллигенціи) не открылась арена практической дѣятельности — говоритъ редакция — она и не могла существовать въ политическомъ смыслѣ“. Но рѣчь идетъ не о „существованіи въ политическомъ смыслѣ“, а о существованіи въ качествѣ „общественнаго класса“. Это не одно и тоже; нѣмецкіе національ-либералы и французскіе пошибилисты существуютъ въ политическомъ смыслѣ. Значитъ-ли это, что въ Германіи есть національ-либеральный, а во Франціи пошибилистскій классъ? „Только такъ называемыя реформы прошлаго царствованія — продолжаетъ редакция — осуществившіяся при ея столь же дѣятельномъ, сколько и плодотворномъ участіи, послужили тѣмъ связующимъ началомъ, тѣмъ, такъ сказать, социальнымъ дементомъ, который слилъ въ одну компактную массу разрозненныя до тѣхъ поръ интеллигентныя силы русскаго народа и образовалъ изъ нихъ *особый общественный классъ*“ (курсивъ здѣсь принадлежитъ редакціи). Развѣ слиться въ „одну компактную массу“ значитъ образовать изъ себя *особый обществен-*

ный классъ? Въ современной общественной наукѣ понятіе о *классѣ* имѣетъ извѣстные, въ высшей степени важныя экономическіе признаки. Свойственны-ли подобныя же признаки понятію о „компактной массѣ“? И въ какую такую „компактную массу“ слились силы нашей интеллигенціи, благодаря реформамъ Александра II? Подобной заслуги этимъ реформамъ до сихъ поръ никто не приписывалъ. Наши охранители будутъ сильно пристыжены, услыхавъ, что они проглядѣли такую вредную сторону ненавистныхъ имъ реформъ. Оказывается, что слона-то они и не замѣтили! Если бы живъ былъ М. Н. Катковъ, то онъ за такую оплошность навѣрное покаралъ бы себя такъ же безпощадно, какъ покаралъ себя Эдинъ за свои невольныя преступленія.

И къ чему все это? Наша такъ называемая интеллигенція и безъ того уже слишкомъ склонна считать себя „самостоятельной общественной силой“, которой нужно только придумать хорошенькую программку или — какъ выражается „Свобода“ — „комплексъ принциповъ“, чтобы передѣлать по своему всѣ общественныя отношенія. Но именно потому, наша „интеллигенція“ и не приобрѣла до сихъ поръ всего возможнаго для нея вліянія на общественную жизнь. Пора уже перестать играть словами. То, что въ извѣстныхъ кругахъ называется у насъ интеллигенціей, составляетъ лишь небольшой общественный слой (слой неслужащихъ образованныхъ „разночинцевъ“), который не можетъ имѣть самостоятельнаго, созидающаго, историческаго значенія. Въ виду особенностей его положенія, этому слою всего естественнѣе было бы примкнуть къ *рабочему классу* (это *классъ* въ настоящемъ смыслѣ слова), въ средѣ котораго нашего образованнаго разночинца ожидаетъ въ высшей степени плодотворная роль. Но этого, разумѣется, не будетъ до тѣхъ поръ, пока въ „комплексѣ принциповъ“ нашихъ образованныхъ разночинцевъ будетъ входить убѣжденіе въ томъ, что они составляютъ „особый классъ“ хотя „и не принадлежащій къ числу древнихъ политическихъ формаций“.

Если бы редакция „Свободы“ обратила вниманіе на эту сторону дѣла, то и политическія задачи русской „интеллигенціи“ представились бы ей въ другомъ свѣ-

тѣ. По мнѣнію этой редакціи „царскій абсолютизмъ — вотъ врагъ нашъ“. Это, конечно, справедливо, но это во-первыхъ не ново, а во вторыхъ этого недостаточно. Спрашивается, *какъ, какими силами* будемъ мы вести борьбу противъ абсолютизма? Убѣжденіе въ томъ, что наша интеллигенція составляетъ особый общественный классъ, мѣшаетъ „Свободѣ“ видѣть, что безъ поддержки рабочаго класса борьба противъ абсолютизма немислима. „Свобода“ просто какъ бы забываетъ о томъ, что у русскаго рабочаго класса (такъ же какъ у рабочаго класса другихъ странъ) есть свои самостоятельные политическіе и экономическіе интересы. По мнѣнію г. С. Княжнина (см. статью „Итоги Прошлаго“, въ № 5) „теперь всѣмъ стало ясно, что жизнь русскаго народа обуславливается всецѣло борьбой на жизнь и смерть *только двухъ элементовъ*, другъ друга исключających“, т. е. борьбой интеллигенціи съ абсолютизмомъ. Это совсѣмъ не „ясно“. И то обстоятельство, что это „ясно“ „Свободѣ“, составляетъ главный недостатокъ ея программы.

Замѣчательнѣе всего то, что перепечатанное у насъ изъ № 6-7 „Свободы“ (см. отд. Русская жизнь), интересное „Письмо изъ Москвы“ очень убѣдительно показываетъ, что современная жизнь русскаго народа обуславливается не только борьбою интеллигенціи съ абсолютизмомъ. Въ борьбѣ московскихъ рабочихъ съ фабрикантами абсолютизмъ, въ лицѣ полицейскихъ чиновниковъ, принимаетъ, конечно, очень дѣятельное, хотя и восновное участіе. Но госпожа „интеллигенція“ участвуетъ въ этой борьбѣ очень слабо. Она является на сцену лишь въ лицѣ доктора, собиравшаго свѣденія о голодномъ тифѣ среди рабочихъ. Намъ думается, что почему бы названной госпожѣ „интеллигенціи“ не послѣдовать примѣру абсолютизма и не вмѣшаться въ борьбу рабочихъ съ предпринимателями поэнергичнѣе? Отъ этого, право-же, цѣликомъ зависитъ успѣхъ ея собственной борьбы за политическую свободу. Каждый фактъ, подобный сообщенному въ „Письмѣ изъ Москвы“, каждое событіе, указывающее на энергичное вмѣшательство правительства въ борьбу рабочихъ съ предпринимателями и на безучастное отношеніе къ этой борь-

бѣ радикальной русскою дамою „интеллигенціи“ напоминаетъ намъ слова Лассаля, которыя этой высокоуважаемой дамѣ очень не мѣшало бы принять къ свѣденію и руководству. „Слуги реакціи не краснобаи, говорилъ нѣмецкій агитаторъ, не дай богъ, чтобы у прогресса было побольше такихъ слугъ“.

Второстепенные недостатки и промахи „Свободы“... Ихъ не мало, но о нихъ когда нибудь въ другой разъ.

Перейдемъ теперь къ „Самоуправленію“. Оно называетъ себя „органомъ социалистовъ-революціонеровъ“. Издатели его говорятъ, что „по основнымъ своимъ убѣжденіямъ“ они „социалисты-федералисты“. Но въ чемъ заключается федералистическій социализмъ — этого „Самоуправленіе“ не выясняетъ. А это слѣдовало бы сдѣлать, потому что многие изъ его читателей могутъ придти въ недоумѣніе по этому поводу. Они могутъ спросить себя, придерживаются ли федералистическаго социализма рабочія партіи Запада? А если нѣтъ, то кто же придерживается его, кромѣ издателей „Самоуправленія“? Правда, Прудонъ утверждалъ когда-то, что всякій, „кто говоритъ социализмъ, говоритъ федерализмъ или не говоритъ ничего“. Но вѣдь прудонизмъ, это уже *überwundener Standpunkt*, какъ выражаются нѣмцы. Да и въ свое-то время Прудонъ не сказалъ въ пользу федерализма больше того, что говорилъ Монтескье въ своей книгѣ, какъ по вопросу о собственности онъ не сказалъ больше того, что было сказано Бриссо въ его „Recherches“. Къ тому же, вѣдь, Прудонъ вовсе не смотрѣлъ на задачи социализма такъ, какъ смотрятъ издатели „Самоуправленія“. Они высказываютъ, на примѣръ, ту мысль, что въ области экономической задачи социализма сводятся къ „обобществленію орудій производства и къ организаціи послѣдняго на общественно-правовомъ началѣ, въ противоположность началу частно-правовому, на которомъ покоится жизнь (вѣроятно производство?) большинства (а не всѣхъ?) современныхъ культурныхъ странъ“. Прудонъ первый объявилъ бы такую задачу неразрѣшимую и несогласною съ принципами федерализма. Какъ соглашаютъ ее съ ними издатели „Самоуправленія“?

Вѣроятно въ силу особенностей федералистическаго

соціалізма издателі „Самоуправленія“ полагають, что въ политической области задачи соціалізма „сводятся къ увеличенію политическаго значенія трудящихся классовъ, къ экспроприаціи политической власти изъ рукъ привилегированнаго меньшинства въ руки всего народа“. Намъ, не посвященнымъ въ тонкости федералистическаго соціалізма, всегда казалось, что соціалізмъ во всѣхъ „областяхъ“ долженъ стремиться не къ „увеличенію значенія трудящихся классовъ“, а къ полному уничтоженію классовъ. Что же касается экспроприаціи политической власти изъ рукъ въ руки и т. п., то мы всегда думали, что пока есть „привилегированное меньшинство“ то политическія задачи соціалізма „сводятся“ къ захвату власти рабочимъ классомъ, къ диктатурѣ пролетариата. Можетъ быть, это происходило потому, что мы не понимаемъ федералистическаго соціалізма.

„Разсматривая внѣшнія условия, въ которыхъ поставлена наша культурная дѣятельность“ въ Россіи и отыскивая „ведущія къ свободѣ пути“, издатели „Самоуправленія“ находятъ, что „путь народной революціи“ „едвали пригоденъ“. Точно также „мы не думаемъ, чтобы своевременно и экономично было затрачивать силы на дворцовую или городскую революцію: такой способъ дѣйствія, не говоря уже объ его трудности, можетъ привести къ нежелательнымъ результатамъ: мы не хотимъ мѣнять одну деспотію на другую.“ Тэ-экъ-съ, значить, сдѣлать городскую революцію (и что это за городская революція?) трудно, а въ результатѣ она ведетъ къ деспотіи, и потому естественно, что издатели „Самоуправленія“ не хотятъ затрачивать на нее своихъ силъ. Но разъ устранены изъ ихъ программы всѣ возможные виды революцій, то что же революціоннаго въ этой программѣ? Почему „Самоуправленіе“ называетъ себя „органомъ социалистовъ-революціонеровъ“? спрашиваетъ удивленный читатель. Вѣроятно вотъ почему. Издатели названнаго органа „усиленно рекомендуютъ“ „путь легальной агитаціи въ печати, въ земствахъ и т. д., организацію легальныхъ общественныхъ протестовъ и легальнаго давленія на правительство“. А такъ какъ легальные общественные протесты въ сводѣ законовъ Россійской Имперіи не предусмотрены,

и правительство навѣрное будетъ считать ихъ нелегальными, при чемъ, со своей стороны, начнетъ оказывать „легальное“ и нелегальное „давленіе“ на гг. протестантовъ, то одинъ путь легальной агитаціи „едвали поведетъ къ значительному успѣху. (Поэтому, въ число путей борьбы съ абсолютизмомъ мы считаемъ нужнымъ включить путь, избранный уже людьми 1-го Марта“. Вотъ вамъ и революціонный способъ дѣйствій! Это, конечно, нѣсколько неожиданно, но за то энергично, а главное, „мы убѣждены, что если не отдѣльный террористическій фактъ, то рядъ такихъ фактовъ, при нѣкоторой общественной поддержкѣ, заставитъ монархизмъ, держаційся только разрозненностью общества и традиціей рабства, положить оружіе“.

Такимъ образомъ, „путь людей 1-го Марта рекомендуется“ теперь принципиальными противниками всякихъ революцій. O tempora, o mores! Но разъ уже мы заговорили по латыни, мы скажемъ издателямъ „Самоуправленія“: quod licet Jovi non licet bovi.

Сообразно съ этой программой, ходъ нашего общественнаго развитія можно представить себѣ приблизительно такимъ образомъ: Мы „организуемъ“ легальный протестъ“ и преподносимъ Александру III письменное изложеніе нашихъ „легальныхъ“ требованій. Нашей бумаги онъ, разумѣется, не прочтетъ, ну хотя бы потому, что грамотѣ его, какъ извѣстно, не обучали. Но раздраженный нелегальностью нашего легализма, онъ на первый разъ отправляетъ „зачинщиковъ“ подъ суровое небо Сѣвера. Тогда вдругъ — ттраахъ! — совершается террористическій фактъ. Александръ III быстро прячется въ Гатчину и оттуда начинаетъ расправляться съ нами по николаевски („нечего и думать, что монархизмъ сразу положить оружіе. Напротивъ, онъ употребитъ сначала всѣ силы, чтобы задавить врага и сохранить свое положеніе“, увѣряетъ насъ „органъ социалистовъ-революціонеровъ“). Но мы тоже себѣ на умѣ. Пока „гатчинскій узникъ“ продолжаетъ свирѣпствовать, мы „организуемъ“ новый „легальный протестъ“, и какъ только онъ выгланетъ изъ своей засады, мы немедленно повергнемъ новую бумажку къ стопамъ Его Величества. Новая прогулка въ мѣста не столь отдаленныя, новый

„террористическій фактъ“. Абсолютизмъ окончательно свирѣпѣетъ и начинаетъ бить направо и налево („Передъ смертью его мы въ правѣ ожидать усиленія реакціи“, основательно замѣчаетъ „Самоуправленіе“). Но это ничего, „это тяжелое время надо пережить, оно не должно никого смущать“. И не только мы не должны смущаться, но обязаны организовать новый „легальный протестъ“. Тогда царь „положить“, наконецъ, „оружіе“. Ну чего вы ко мнѣ пристали, скажетъ онъ, опасаясь новаго террористическаго сюрприза, ну, давайте сюда вашу бумагу, что тамъ написано? Вы хотите политической свободы? Ну вотъ вамъ свобода, ну берите ее, только оставьте, ради бога, ваши факты! Славная программа! Хорошо придумали „соціалисты-федералисты“!

Ну, а что, если правительство не испугается нашихъ „фактовъ“, и въ отвѣтъ на нашъ терроризмъ упорно будетъ продолжать свой собственный „терроръ“? Какъ въ семь разъ поступить надлежитъ? „Самоуправленіе“ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Оно увѣрено, что чему не помогутъ легальные протесты, поможетъ „пулъ людей 1-го Марта“ и дѣлу конецъ! А вотъ намъ все кажется, что не мѣшало бы „затратить свои силы на городскую революцію“ и *путемъ людей 93-го года придти туда, куда мы не дойдемъ, слѣдуя лишь по пути людей 1-го Марта*. Противъ русскаго деспотизма динамитъ не дурное средство, но *гильотина еще лучше*. Оно конечно, *такой программы нельзя принять „соціалъ-стамъ-революціонерамъ“, увѣреннымъ въ томъ, что „городская революція“ ведетъ къ замѣнѣ одной деспотіи другою*. Но вѣдь и то сказать, страшень сонъ, да милостивъ богъ. Вѣдь вонъ на Западѣ „городскія революціи“ не всегда же вели къ деспотизму.

Въ первомъ № „Самоуправленія“ помѣщены „письма эмигрантовъ“, которыя предназначались не для „Самоуправленія“ и добыты имъ „случайно, отъ частнаго лица“, но все таки „даютъ возможность познакомиться съ воззрѣніями на задачи переживаемаго момента представителей русской революціонной партіи“. Къ числу такихъ „представителей“, очевидно, также „случайно“ отнесенъ и г. Драгомановъ. Нужно замѣтить, что такъ

называемое письмо Аксельрода, Засуличъ и пишущаго эти строки есть вовсе не письмо, а просто отрывокъ изъ печатной программы группы „Освобожденіе Труда“.

Во второмъ № того же органа напечатана, между прочимъ, не дурная статья „Къ вопросу о развитіи политическихъ формъ на Западѣ и въ Россіи“. Читатели найдутъ тамъ также очевидно уже не случайно попавшее въ „Самоуправленіе“ письмо П. Л. Лаврова. Не малое мѣсто занимаетъ тамъ и письмо г. Добровольскаго, подъ заглавіемъ „Довлѣтъ дни злоба его“. Г. Лавровъ не высказываетъ, конечно, своего согласія съ программой „Самоуправленія“, но выражаетъ издателямъ его полное сочувствіе, какъ „соціалистамъ“ и врагамъ русскаго самодержавія. Изъ письма г. Лаврова мы узнаемъ, что издатели „Самоуправленія“ желаютъ около своего органа „сгруппировать соціально-революціонныя силы Россіи“. Если это дѣйствительно такъ, то издатели „Самоуправленія“ питаютъ совершенно несбыточные надежды. Подъ ихъ знаменемъ, сшитымъ изъ старыхъ лоскутковъ старыхъ, истрепанныхъ жизнью знаменъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться объединеніе „соціально-революціонныхъ силъ Россіи“. Для рѣшенія подобной задачи нужно, во первыхъ, не бояться „народной“ и „городской“ революцій, а во вторыхъ нужно побольше критики, побольше опредѣленности и поменьше противорѣчій въ постановкѣ жгучихъ соціально-политическихъ вопросовъ. Не помогутъ издателямъ „Самоуправленія“ и ободрительныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: „насъ не мало. Мы всѣ, все русское общество громко протестуетъ противъ современныхъ условій жизни, всѣ какъ одинъ человекъ желаемъ обновленія ихъ“ (Передовая статья №1). Это просто странно. Вѣдь названные издатели не только желаютъ „обновленія“ условій русской жизни. Они желаютъ обновить ихъ въ извѣстномъ направленіи, они „соціалъ-революціонеры“. Неужели все русское общество состоитъ изъ соціалистовъ революціонеровъ? Съ какихъ же это поръ? А впрочемъ, мелко-буржуазные элементы нашего общества охотно могутъ подписаться подъ „соціалистической“ программой „Самоуправленія“. Программа эта имѣетъ очень мало общаго съ насто-

линимъ социализмомъ, съ социализмомъ пролетариата.

Что касается до статьи г. Добровольскаго, то онъ довольно подробно излагаетъ въ ней свои взгляды „на положеніе дѣлъ въ нашей странѣ и на ту роль, которую должны взять на себя наши социалисты“. Роль эта должна, по мнѣнію г. Добровольскаго, свестись теперь къ слѣдующему: „Отложимъ пока въ сторону наши социальныя теоріи, ... забудемъ на время о томъ, что мы социалисты, поспѣшимъ скорѣе и всецѣло проникнуться тою истиною, что мы теперь можемъ быть *только* политическими революціонерами, и смѣло, рѣшительно, безъ раздумья и колебаній, поднимемъ знамя *Политической Свободы*“ (курсивъ г. Добровольскаго). Это забвеніе социализма должно продолжаться до самого паденія самодержавія. Когда падетъ абсолютизмъ, „тогда мы забьемъ въ его могилу осиновый колы, бережно сложимъ въ архивъ наше политическое знамя, развернемъ новое, *соціалистическое*, и, подъ сѣнію его, насколько хватитъ силъ и умѣнья, будемъ служить дѣлу социализма“. Читатели, знакомые со взглядами современныхъ западно-европейскихъ социалистовъ, конечно, не въ состояніи будутъ понять этого противопоставленія политическаго знамени социалистическому. Соціалистическое знамя есть *знамя политическое* („всякая классовая борьба есть борьба политическая“). Можно подумать, что г. Добровольскій, такъ рѣзко нападающій на „крайнюю неподвижность нашей социальнo-революціонной мысли“, сохранилъ старыя, бакунистскіе взгляды на этотъ счетъ. Но не въ томъ дѣло. Общій смыслъ приведеннаго отрывка все таки совершенно ясенъ: мы должны на время забыть о социализмѣ, сказавъ ему: покойся, милый прахъ, до радостнаго утра. Хорошо, скажемъ; что же дальше, какъ добиться намъ политической свободы, какъ вести себя въ этомъ новомъ качествѣ забывшихъ о социализмѣ социалистовъ? „При рѣшеніи этихъ жгучихъ вопросовъ, мы ни на минуту не должны упускать изъ виду, что, сами по себѣ, мы, социалисты-революціонеры, въ данномъ случаѣ почти совершенно беспильны, что намъ однимъ совсѣмъ не по плечу огромная задача низверженія абсолютизма — справедливо замѣчаетъ г. Добро-

вольскій. Сами по себѣ мы можемъ дѣйствовать только какъ „партизаны“, какъ „вольные стрѣлки“, подкарауливающіе непріятели въ засадахъ, налетающіе на него, какъ снѣгъ на голову, наносящіе ему отдѣльные, болѣе или менѣе чувствительные удары, и на минуту разстроивающіе, ошеломляющіе его этими ударами... Но и только!... Судьбы военныхъ компаній рѣшаются теперь не летучими отрядами, а регулярными арміями“. Все это опять таки вполне справедливо. Но въ такомъ случаѣ, что же намъ остается дѣлать? Положеніе затруднительное, „къ счастью, однакожь, мы можемъ быть неодинокі: русское общество переполнено недовольствомъ существующимъ политическимъ режимомъ, переполнено антиправительственными или, точнѣе, антидеспотическими элементами, ждетъ не дождется политической свободы, которая до зарѣзу нужна, между прочимъ, также и ненавистнымъ намъ буржуазнымъ элементамъ, — и почти въ полномъ своемъ составѣ можетъ поддержать насъ“; словомъ наше общество

Отъ Смоленска до Ташкента
Съ нетерпѣньемъ ждетъ студента.

„Обратимся же скорѣе къ этому обществу!“ Оно-то повидимому, и съиграетъ у насъ роль регулярнаго войска“. Самъ г. Добровольскій видитъ, что войско это будетъ не изъ весьма блестящихъ и уже во всякомъ случаѣ не проявитъ геройской храбрости. „Да, говоритъ онъ, наше общество сонно, вяло, недѣятельно, непредпримчиво, трусливо“. Но передъ этимъ препятствіемъ онъ не останавливается. „Внесемъ же въ него нашу, доказанную на дѣлѣ, активность, предприимчивость, готовность на борьбу! — восклицаетъ онъ! Придемъ же къ нему на помощь съ нашей революціонной энергіей, отвагой и самопожертвованіемъ, съ нашимъ боевымъ опытомъ, съ нашей выработанной революціонной практикой, сноровкой и практической умѣlostью“. Много же предстоитъ г. Добровольскому возни съ его „регулярной арміей“! Мы сильно опасаемся, что онъ, въ рѣшительную минуту, очутится въ такомъ же положеніи, въ какомъ очутился предводительствовавшій инвалидами пушкинскій капитанъ при штурмѣ его крѣпости пугачевцами (см. „Капитанскую Дочку“).

Г. Добровольскій пишетъ широковъщательно и много-словно, но совсѣмъ не убѣдительно. Почему наше общество „вяло, сонно“ и т. д.? Онъ не „пускается въ разборъ причинъ“ этого обстоятельства. Но это напрасно. Если бы онъ разобралъ ихъ, то увидѣлъ бы, что наше общество и не можетъ быть инымъ при современномъ положеніи дѣлъ. Въ борьбѣ съ правительствомъ высшіе классы, изъ которыхъ состоитъ „общество“, никогда и нигдѣ не играли роли „регулярной арміи“. Это чистая фантазія. Сами по себѣ они всегда были *штабомъ безъ арміи*, какъ выражается Энгельсъ, говоря о нѣмецкой буржуазіи. Чтобы создать армію, нужна народная масса, нужны силы рабочихъ. Порукой въ этомъ можетъ служить вся западно-европейская исторія новѣйшаго времени. А вотъ этой-то настоящей, а не фантастической арміи и не видить за собой „пока что“ наше общество. Поэтому оно и „нерѣшительно“, зная, что правительство можетъ раздавить его въ каждую данную минуту. Поэтому оно „сонно“ и „недѣятельно“. Вотъ этому горю и должны помочь наши революціонеры. А разъ они возмущаются помогать ему, имъ ужъ нельзя будетъ даже „на время“ забыть, что они социалисты.

Г. Добровольскій наивно говорить: „Carthaginem de-Iendam esse — упрямо твердилъ упорный Катонъ — и Карфагенъ, какъ извѣстно, палъ“. Но вѣдь „извѣстно“, что Карфагенъ палъ не отъ словъ Катона (только іерихонскія стѣны могли пасть отъ гласа трубнаго, но это было, „какъ извѣстно“, чудо). Карфагенъ палъ потому, что противъ него двинулось римское войско, которое, „какъ извѣстно“, совсѣмъ не отличалось такими свойствами, какими, по собственному признанію г. Добровольскаго, отличается русское общество. Вотъ почему употребленное имъ сравненіе весьма неудачно, и нашъ новѣйшій Катонъ (котораго въ отличіе отъ Катона-цензора и отъ Катона Утическаго назовемъ хоть Катонъ изъ „Самоуправленія“) навѣрное останется, — въ своей роли временно-обязаннаго либерала, — при одномъ „упорствѣ“.

Довольно объ этомъ. Вопросу о борьбѣ за политическую свободу посвящена особая статья въ нашемъ сборникѣ. Но разставаясь съ г. Добровольскимъ, мы по-

ставимъ ему на видъ слѣдующее. Онъ обзываетъ группу русскихъ социаль-демократовъ „доктринерскою, микроскопическою и по численности и по значенію и по вліянію“ и утверждаетъ, что теоріи этой группы „очень добросовѣстно переведены съ нѣмецкаго“. Выходитъ, будто ничего, кромѣ перевода съ нѣмецкаго въ теоріяхъ этой группы и нѣтъ. Не намъ судить о значеніи нашей группы. Но пусть безпристрастный читатель прочтетъ тѣ изданія наши, въ которыхъ рѣчь идетъ о *соціально*мъ положеніи Россіи (объ общинѣ, капитализмѣ и т. д.), а затѣмъ посмотритъ, что говоритъ о томъ же положеніи г. Добровольскій въ своей статьѣ. Онъ увидитъ въ этой послѣдней почти дословное повтореніе того, что наша группа подробно и обстоятельно *высказала уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ*. Притомъ, когда группа излагала эти, будто бы переведенныя съ нѣмецкаго теоріи, онѣ были дѣйствительно совершенно новы въ нашей литературѣ. Теперь же, когда г. Добровольскій съ апломбомъ излагаетъ ихъ на страницахъ „Самоуправленія“, онѣ начинаютъ уже *приобрѣтать прочность предрасудка*. Стало бытъ, пригодились же на что нибудь теоріи нашей группы, г. Добровольскій?

Резюмируемъ наше мнѣніе о новыхъ противоправительственныхъ органахъ. Главное ихъ достоинство заключается въ *фактѣ ихъ существованія*. Что же касается до ихъ *направленія*, то оно вполне соответствуетъ переживаемому нами переходному времени. Русскіе революціонеры, убѣдившись въ томъ, что ихъ собственныхъ силъ недостаточно для продолженія ихъ борьбы съ правительствомъ, ищутъ поддержки. Но при этомъ они ошибаются адресомъ, и вмѣсто того чтобы обратиться къ наиболѣе развитымъ слоямъ народа, они обращаются къ такъ называемому обществу, которое само безсилно противъ абсолютизма. Сказанное относится одинаково, какъ къ „Самоуправленію“, такъ и къ „Свободѣ“, хотя эта послѣдняя говоритъ, повидимому, только объ „интеллигенціи“.

Г. Плехановъ.